

В тот день Жуань Чаоцин вернулся, чтобы закрыть окно, а Чжао Лянь в душе даже обрадовался: он думал, что всё не так уж плохо. Кто же знал, что на следующий же день этот человек бесшумно поднимет людей и покинет столицу на борьбу с бандитами.

Уехал — и пропал на целый месяц. Теперь вон на несколько сотен ли вокруг столицы, пожалуй, и разбойничьего гнезда не сыщешь.

В помрачении сознания Чжао Лянь вдруг почувствовал, что на теле стало чуть тяжелее. Стоило открыть глаза, как перед ним предстало лицо с резкими, волевыми чертами.

Кто же это был, если не Жуань Чаоцин?

— Очнулся? — заметив, что он открыл глаза, Жуань Чаоцин сбросил с себя сосредоточенный вид и тяжело вздохнул.

Чжао Лянь вовсе не спал, просто прикрыл глаза и немного подремал.

— Ты как здесь оказался?

— Вижу, к снегу дело идет, приехал проводить тебя, — не моргнув глазом соврал Жуань Чаоцин, пользуясь тем, что окна повозки были плотно закрыты.

Разве не собирался отправить меня чужими руками?

Чжао Лянь скосил глаза на Жуань Чаоцин, но в конце концов так и не произнес эти слова. Раз уж человек с таким трудом приехал, как бы он сгоряча не взбесился и не выпрыгнул из повозки.

Увидев, что Чжао Лянь не собирается его выгонять, Жуань Чаоцин подоткнул наброшенный на него плащ и устроился рядом по собственной воле. Едва присев, он заметил, что на низком столике разлилась добрая половина медовой воды.

— Чуть остыла, — Жуань Чаоцин поднял чашку и сделал глоток. — Совсем не сладко, мёд кончился?

Он по-прежнему выглядел так, будто между ними не было никаких преград, и Чжао Лянь, поджав губы, улыбнулся. Стоило Чжао Ляню улыбнуться, как, сам не зная почему, улыбнулся и Жуань Чаоцин.

— Кончился — пришли людей в мою резиденцию, пусть возьмут. — Допив оставшуюся на дне холодную воду, Жуань Чаоцин вытащил из пазухи маленький фарфоровый пузырек, выдернул пробку, плеснул в чашку больше половины, тут же добавил еще теплой воды, слегка покачал и

протянул Чжао Ляню.

Лицо Чжао Ляня смягчилось, в глазах заиграла улыбка, и он принял чашку с медовой водой.

Мимолетным взглядом заметив тыльную сторону ладони Чжао Ляня, Жуань Чаоцин нахмурил брови:

— Откуда синяки?

Только договорив и посмотрев на расположение кровоподтеков, Жуань Чаоцин сообразил что к чему. А взглянув на его лицо, понял без сомнений: тот наверняка сильно кашлял и давил на точки, чтобы унять кашель.

— Чуть-чуть понажимал, ничего страшного.

Пальцы Жуань Чаоцина, лежавшие на коленях, едва заметно дрогнули. Чжао Лянь переложил чашку в другую руку и протянул ему пострадавшую ладонь:

— Помоги...

В тепле? Разве это годится? Но ведь у Чжао Ляня руки и ноги всегда ледяные, а тут еще такой синяк...

В тот миг Жуань Чаоцин о многом передумал, но в конце концов сделал выбор: смявшись в нерешительности, он крепко сжал протянутую руку и решительно спрятал ее под плащ, попутно поправляя сползшую от движений Чжао Ляня накидку.

— Чтобы в последний раз!

— Передай грелку.

Их голоса прозвучали одновременно. Жуань Чаоцин заметно растерялся, после чего впопыхах нашарил отложенную в сторону грелку, молниеносно приподнял плащ, засунул ее внутрь и запахнул обратно. Всё заняло не больше мгновения — так, будто промедли он хоть секунду, и его непременно обжжет.

Глядя на смущенное лицо Жуань Чаоцина, Чжао Лянь улыбнулся, опустил голову и отпил приторно-сладкой медовой воды.

— Только ты и можешь. Попробуй кто другой так помыкать генералом — ноги бы переломал! — Жуань Чаоцин попытался спасти лицо.

— Верно, велик генеральский гнев.

— То-то же! — В месте, куда Чжао Лянь не мог заглянуть, Жуань Чаоцин большим пальцем нервно теребил край одежды и принялся переводить тему: — Ты когда медовую воду завариваешь, клади побольше меда. Я тебе пчел у себя в поместье держу, неужто пожалел мёда, будто он приплод принесет?

Чжао Лянь рассмеялся и не стал продолжать спор с Жуань Чаоцином:

— Холодно, пчел содержать трудно. Вот придет весна — тогда и буду класть побольше.

— Да что тут трудного? — Будучи человеком, повидавшим виды, Жуань Чаоцин взял себя в руки и свирепо зыркнул на Чжао Ляня с показной строгостью: — Я нанял людей: одни за целебными травами ходят, другие за пчелами ухаживают. Такой целебный мед можно бочонками собирать каждые десять-полмесяца...

Он тут же показал размер руками: — Вот, бочонок с мледом во-коекакой величины, больше даже, чем глиняный кувшин для Чжуецина! Ешь сколько душе угодно!

Разве пчеловодство — такое уж легкое дело? Тем более когда речь идет о пчелах, собирающих нектар исключительно с целебных травок! В такую-то стужу, как ни ухаживай за травами, вряд ли что зацветет; а раз цветам не хватает нектара, приходится покупать сахар и разводить сладкую воду для прикорма. Весь запас целебного меда, что есть сейчас, заготовлен еще весной и летом.

— Столько? Мне тогда и за всю жизнь не съесть.

Чжао Лянь послушно поддакнул, и парой слов развеял неловкость Жуань Чаоцина.

Позднее, на обратном пути в столицу, Жуань Чаоцин то и дело о чем-то тараторил, а Чжао Лянь терпеливо отвечал на каждое слово, да так увлеченно и ласково, что собеседник разгорелся азартом и никак не мог остановиться.

Когда повозка прибыла к Резиденции князя Ци, Жуань Чаоцин еще не выговорился — в конце концов, целы месяц не с кем было так от души поболтать, разве ж у него мало накопилось слов?

— Раз уж приехал, не зайти ли перекусить вместе перед уходом?

Они стояли у главных ворот Резиденции князя Ци, и Чжао Лянь ждал ответа.

Сначала Жуань Чаоцин даже склонялся к тому, чтобы согласиться, но, случайно перехватив

взгляд Чжао Ляня, внезапно озарился догадкой. Он тут же испуганно и торопливо замахал руками:

— Полно, пожалуй, в другой раз! Отец дома ждет, как-нибудь в другой раз загляну к тебе в гости!

Услышав это, Чжао Лянь не стал настаивать и лишь произнес:

— Передай поклон старику.

— Ладно, понял, ступай внутрь давай.

Чжао Лянь кивнул и послушно шагнул за ворота резиденции.

Убедившись, что фигура Чжао Ляня скрылась в проеме, Жуань Чаоцин пустился наутек — словно у него под хвостом горело, он даже не смел оглянуться, а потому, разумеется, не заметил, как из-за дверей снова вышел силуэт.

Простояв в задумчивости довольно долго, Чжао Лянь плотнее запахнул плащ и повернул назад.

Створки ворот Резиденции князя Ци медленно сошлись, словно отрезая два разных мира: снаружи — суета и стук колес проезжих экипажей, внутри — застывшая, мертвенная тишина глубокого поместья.

Двадцать три часа ночи. Жители столицы уже погрузились в сон, набираясь сил перед ранним подъемом и завтрашними хлопотами.

Во всем городе лишь кое-где мерцали редкие огоньки: то усердные ученики склонились над книгами при свете ламп, то в изысканных увеселительных домах пировали всю ночь напролет. Резиденция князя Ци на этом фоне казалась белой вороной.

— Тук-тук!

Звук стука в дверь заставил клевавшую носом служанку Су Лань вздрогнуть так, что она чуть не опрокинула вазу на высокой подставке.

Су Лань отворила дверь — на пороге стоял дежурный стражник Янь Цзюнь, державший в руках пиалу с отваром.

— Подошел час принимать лекарство для вана, в купальне уже растопили теплые полы, попросите вана соизволить пройти омовение и переодеться, — Янь Цзюнь протянул поднос и

слово в слово повторил то, что велел передать мальчик-слуга.

Су Лань молча приняла поднос, закрыла дверь и направилась вглубь покоев.

Внутри комнаты Чжао Лянь, укрытый мягким пледом, полулежал на тахте в дремоте, а рядом валялась раскрытая на половине бухгалтерская книга.

Стоило князю Ци помрачнеть душой, как он принимался за проверки счетов, и в такие моменты подле себя никого не терпел, поэтому в кабинете издалека дежурила одна лишь Су Лань.

Поставив поднос на столик у циновки, Су Лань, не смея поднимать глаз, собрала книги и лишь после этого тихо позвала:

— Ванъе, ванъе, пора пить лекарство.

Однако человек, у которого прежде был столь чуткий сон, что малейший шорох мог потревожить его, на этот раз никак не отреагировал.

Лицо Чжао Ляня покрылось неестественным румянцем, и в сердце Су Лань зародилось недоброе предчувствие. Она слегка коснулась тыльной стороной ладони его руки — и тут же отдернула ее: рука, что обычно всегда оставалась прохладной, сейчас пылала жаром.

Су Лань бросилась к двери, распахнула ее:

— Ванъе снова в жару! Быстрее зовите лекаря!

Услышав это, Янь Цзюнь приказал стражникам на дальних постах поднять отдыхавших слуг, а сам вместе с Су Лань бросился в кабинет.

Помогнув пересадить Чжао Ляня Янь Цзюню на спину и укрыв пледом, Су Лань встревоженно спросила:

— Сегодня императорский лекарь Вэнь дежурит во дворце, может, сначала послать за доктором из Зала «Цзиши»?

В такой час дворцовые ворота давно заперты на засов, и хотя в Резиденцию князя Ци могли впустить в любое время, лихорадка у Чжао Ляня всегда развивалась стремительно и яростно — если ждать, пока из дворца приведут лекаря, больной мог не дожидаться помощи.

Янь Цзюнь надежно зафиксировал Чжао Ляня на спине и быстрым шагом направился к

спальне:

— Отвар лекаря Вэня слишком силен, другие доктора не справятся! Сначала сбивайте температуру, как обычно!

— Есть!

Как старшая среди служанок Резиденции Ци, Су Лань на ходу поддерживала Чжао Ляня на спине Янь Цзюня и четко отдавала распоряжения прибежавшим на шум служанкам:

— Цинь Сян, вели конюхам седлать лошадей и запрягать повозку! Цинь Юй, ступай на кухню присмотреть за очагом! Цинь Сюэ, води людей в покои вана, пусть всё подготовят!

— Слушаемся! — в один голос отозвались служанки и бросились выполнять приказы, только одна из неотправленных осталась впереди освещать путь фонарем.

В Резиденции князя Ци ярко горели огни, и их желтоватое теплое свечение отражалось в кружащихся хлопьях падающего снега.

Вскоре процессия добралась до спальни, и служанки тут же принялись стряхивать с одежды Чжао Ляня налетевший снег.

Су Лань руководила подготовкой: одни служанки прикладывали горячие полотенца ко лбу, другие растирали ладони и стопы. Янь Цзюнь же не терял ни секунды: схватив жетон для прохода во дворец, он вскочил в седло и помчался к дворцовым воротам; кучер следом гнал повозку, готовую забрать императорского лекаря Вэня.

Коню и всадникам путь преграждали закрытые ворота, но Янь Цзюнь соскочил с лошади, предъявил стражникам императорской гвардии жетон Резиденции Ци, и его немедленно пропустили. Кучер же остался у ворот, переминаясь с ноги на ногу на снегу и выпуская клубы пара, ни на миг не теряя бдительности.

Забрав императорского лекаря Вэня, экипаж помчался обратно, оставляя позади метель и заставляя старые кости лекаря содрогаться от каждого толчка.

Цокот копыт и грохот колес подняли немалый шум: привратники в соседних особняках один за другим поднимались, набрасывали верхнюю одежду и выглядывали через боковые калитки. Узнав людей из Резиденции князя Ци, они молча затворяли двери, намереваясь наутро доложить хозяевам.

За исключением Резиденции князя Ци, вся столица внутри стен и за их пределами погрузилась в крепкий, безмятежный и мирный сон.

<http://bllate.org/book/21017/2136592>